
ИГОРЬ
РОЯНОВ

Киевская Русь
История великой державы

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

УДК 94(470)"/.../1150"
ББК 63.3(2)41
Ф91

Фроянов, Игорь Яковлевич.

Ф91 Киевская Русь : история великой державы / Игорь Фроянов. — Москва : Родина, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-00269-384-9

Киевская Русь — великая держава, взлетевшая стремительно и исчезающая загадочно. Почему так произошло? На этот вопрос И. Я. Фроянов, один из самых известных историков страны, отвечает в своём главном исследовании, основанном на реальных летописях, археологии и редких документах. Вы узнаете: как рождались первые города и менялась их роль; кто на самом деле управлял Русью — князь или народное вече; была ли она единым государством или мозаикой земель; как языческие боги уступили место христианству; как из разрозненных племён вырос русский народ; с кем воевали и заключали союзы наши предки.

Это не просто история — это живой портрет страны, её лидеров, веры, войн и культурных перемен. Книга раскрывает Киевскую Русь как драматический и захватывающий мир, где вершились судьбы, рождалась нация и формировались корни, из которых выросла современная Россия.

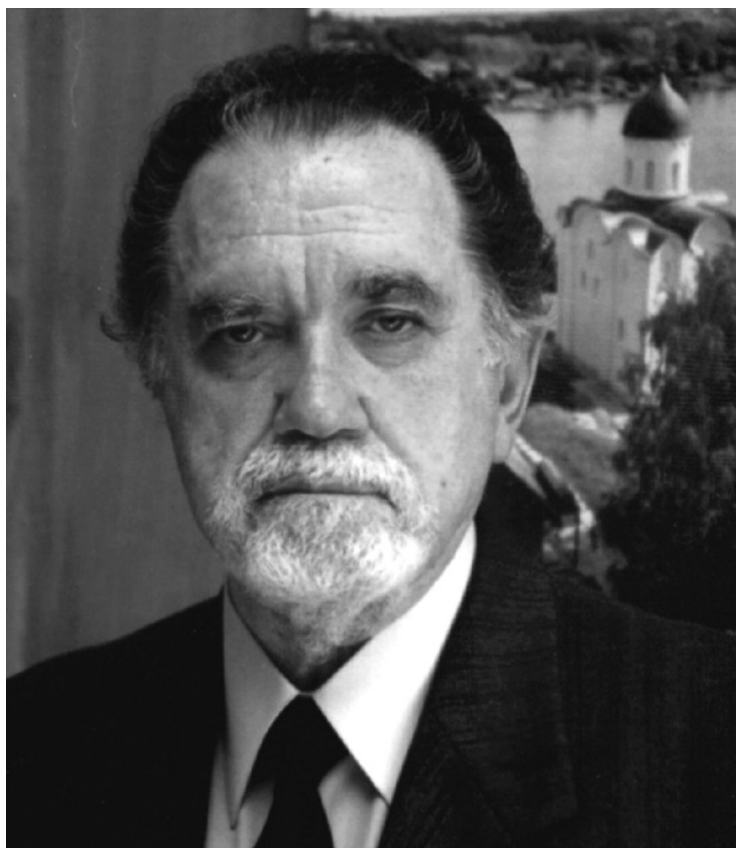
УДК 94(470)"/.../1150"
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-00269-384-9

© Фроянов И.Я., наследники, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Содержание

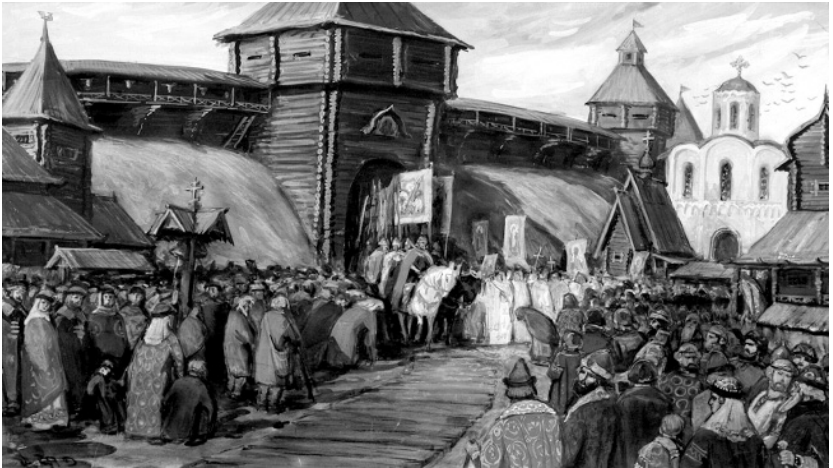
Древнерусские князья	7
Князь и дружина	57
К вопросу о сеньориальном режиме в Древней Руси	89
Князь и «люди» в Киевской Руси	108
Древнерусское вече	137
Народ и войско в Киевской Руси	171
Социально-политическая роль древнерусского города	199

Игорь Фроянов

Древнерусские князья

Происхождение государственных учреждений на Руси органически связано с возникновением и ростом княжеской власти. Отсюда понятно, почему дореволюционные исследователи, разделявшие в массе своей мысль о том, что элемент политический, государственный представлял единственно живую сторону отечественной истории, а развитие государства составило ее национальное своеобразие, уделяли древнерусским князьям самое пристальное внимание. Классические труды С. М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и «История отношений между князьями Рюрикова дома», В. И. Сергеевича «Вече и князь», Н. И. Костомарова «Начало единой державы в Древней Руси», А. Е. Преснякова «Княжеское право в древней Руси» — наиболее заметные вехи в изучении данной темы. Что касается остальных научных сочинений, где специально или попутно шла речь о князьях, их взаимоотношениях, княжеской власти, то им «несть числа». Не ослабевал интерес к древним князьям и в советское время. Важные соображения относительно социальной роли и значения князей в древнерусском обществе были высказаны М. Н. Покровским, Б. Д. Грековым, Д. С. Лихачевым, Б. А. Рыбаковым, Л. В. Черепниным, В. Т. Пашуто, В. Л. Яниным, С. В. Бахрушиным, А. А. Зиминим, В. В. Мавродиним, А. Н. Насоновым, Б. А. Романовым, И. И. Смирновым, Я. Н. Щаповым, С. В. Юшковым, О. М. Раповым и другими. Общественное положение князя, изменения в его статусе советские историки рассматривали на качественно новой методологической основе, в свете марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, классовой сущности государства, что открывало возможность подлинно научного познания исторической действительности вообще и древнерусского

института князей в частности. Ныне наши сведения о княжеской верхушке как никогда ранее разнообразны и полны. Но это отнюдь не значит, что здесь сказано последнее слово, поставлена последняя точка. Несмотря на богатейшую литературу вопроса, не все моменты княжеской истории на Руси достаточно полно уяснены. Мы не ставим перед собой цель определить исчерпывающим образом место князя в социально-политической структуре древнерусского общества. Наша задача более скромная, она заключается в том, чтобы выявить функциональные свойства княжеской власти, ее социальную природу, а также разобраться в вассальных связях, которыми была охвачена княжеская среда.

Слово «князь» общеславянское. Оно, по мнению лингвистов, заимствовано из германского языка: общеславянское «князь» связано с древнемецким «*mining*», означавшем первоначально старейшину рода. Не случайно в болгарском языке кнез — старейшина. Древнейшее качество князя как «родовладыки» отложилось, судя по всему, в свадебной лексике русского народа, где новобрачные (условно говоря, основатели рода) называются князем и княгиней.

Вероятно, о племенных вождях сообщают нам иностранцы. По свидетельству Псевдо-Маврикия, писателя VI в. н.э., у славян было множество предводителей,

«риксов», постоянно находящихся во взаимных распрях. В. О. Ключевский не без основания уподоблял их древнегреческим филархам — племенным князькам и родовым старейшинам. О многочисленности племенных вождей («царей») у славян VI в. рассказывает арабский географ Масуди. Все эти вожди племен являлись порождением родового строя.

С ростом населения племя, подразделявшееся на несколько родов, распадалось на ряд родственных племен, образующих племенной союз. Возникла организация, хотя и более сложная, чем отдельное племя, но всецело соответствующая родовым принципам и условиям. Такие родственные союзы, выступающие в Повести временных лет под именами полян, древлян, северян, радимичей, вятичей, дреговичей и прочих, довольно четко фиксируются археологами. Логично предположить, что во главе этих союзов стояли вожди, возвышающиеся над вождями отдельных племен, входивших в союз. Исторические воспоминания о подобных вождях донесли до нас летописная легенда о Кие и его потомках, державших «княженъ в полях». Летописец извещает, что, кроме полян, такие «княженъ» были и у древлян, дреговичей, словен, полочан, т.е. свидетельствует о повсеместном распространении предводителей племенных союзов, сложившихся среди восточного славянства. В современной историографии данные союзы фигурируют под названием «племенные княжения». Историки по-разному определяют их характер. Одни из них полагают, что под племенными княжениями скрывались примитивные государственные образования. Другие думают, что тут перед нами истоки Древнерусского государства, зачатки государственности, воплощавшие переходную форму от союзов племен к государству.

Более убедительной представляется точка зрения Б. А. Рыбакова, подчеркивающего принципиальное отличие племенного «княжества» от государства. Союзы племен, по Б. А. Рыбакову, есть «политическая форма эпохи военной демократии, т.е. того переходного периода, который связывает последние этапы развития первобытнообщинного строя

с первыми этапами нового классового строя». Важно иметь в виду, что образование племенных союзов было выражением «прогрессивного развития институтов родо-племенного строя». Здесь, следовательно, мы находим достигший полного развития родовой строй, описанный Ф. Энгельсом в его замечательном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельс указывал: «Племя делилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род выступает как фратрия; самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз включает, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена.

Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, из которых она возникла. Она представляет собой не что иное, как свойственную этим условиям, естественно выросшую структуру; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества». Отсюда следует, что вожди (князья) восточнославянских племенных союзов (племенных княжений) не могут рассматриваться как носители государственной, публичной власти.

Они — органы родо-племенного строя и как таковые не противостоят ему, а находятся с ним в единстве. Помимо союза племен восточным славянам была известна еще одна разновидность союзной организации, когда союз образуют племена, которые сами уже входят в племенной союз. Это — вторичные союзы племен, суперсоюзы, или «союзы союзов», по терминологии Б. А. Рыбакова. Будучи внушительными межплеменными объединениями с противоречивыми стремлениями и центробежными тенденциями, они без элементов публичной власти, способной подняться над узкоплеменными интересами, вряд ли смогли бы существовать. Поэтому политическая организация суперсоюзов («союза союзов», «сверхсоюзов») заключала в себе ростки государственности,

Князь Ярослав Мудрый

олицетворяемой вождями, наделенными властью, не совпадающей отчасти с народом. Коренной причиной образования суперсоюзов являлась внешняя опасность. Так, в области славянской лесостепи, по мнению Б. А. Рыбакова, в VI–VII вв. сложился оборонительный союз под гегемонией сначала русов, а потом полян, объединивший северян, волянян, дулебов, хорватов. Мы знаем также, что на северо-западе Восточной Европы завязался разноэтничный межплеменной союз, направленный против варяжской агрессии. Восточнославянские племенные суперсоюзы вели не только оборонительные, но и наступательные войны, приобретая благодаря этому громкую известность в соседних землях и странах. О вождях восточных славян, возглавлявших мощные союзы племен, наперебой заговорили иностранные писатели и хронисты. Иордан сообщает о «короле» антов Боже, окруженном семьюдесятью старейшинами. Масуди рассказывает нам об одном славянском племени, которое господствовало некогда над остальными, «его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались». Далее Масуди снова возвращается к «царю» Маджаку, «коему повиновались в прежнее время остальные цари их» (славян). Сопоставляя рассказ Масуди с летописными известиями о дулебах, «примученных» обрами, В. О. Ключевский пришел к выводу, что оба повествования относятся к военному союзу восточных славян VI в., живших на карпатских склонах. Сомкнуться прикарпатских славян побудила, согласно В. О. Ключевскому, продолжительная борьба с Византией. Военный союз, сложившийся на Карпатах, историк понимал не как племенное объединение, а как «ополчения боевых людей, выделявшихся из разных родов и племен на время похода, по окончании которого уцелевшие товарищи расходились, возвращаясь в среду своих родичей, под действие привычных отношений». С этим, конечно, нельзя согласиться, поскольку Масуди говорит именно о племенном составе союза, управляемом «царем» Маджаком.

Бож и Маджак, — не единственные дошедшие до нас имена восточнославянских вождей, стоявших во главе крупных племенных союзов. Менандр сообщает о некоем Межамире, имевшем большую власть у антов и внушавшем серьезное опасение враждебным аварам. Б. А. Рыбаков предположил, что Межамир «мог быть князем целого племенного союза антов, так как иначе он не был бы так страшен для аваров». Феофилакт Симокатта упоминает славянского предводителя Ардагаста, распростершего свое господство на целую страну. Уместно здесь будет назвать и славянского князя Бравлина, громившего где-то в первой половине IX столетия Сурож. Список восточнославянских князей, возглавлявших крупные межплеменные объединения и попавших в анналы истории, можно было бы продолжать.

Приведенный материал свидетельствует о неоднородности состава вождей (князей) у восточных славян. Вождь племени, вождь союза родственных племен, вождь суперсоюза, т.е. «союза союзов», — вот ряд, в который выстраиваются восточнославянские князья. Разные ранги — разные функции. Вождь племени (военный предводитель) едва ли являлся постоянно действующим лицом. Он избирался на время, в период военных событий. Власть его была невелика, он должен был вести в бой своих соплеменников, воодушевляя их собственным примером. Иначе видится вождь племенного союза. Его статус постоянный, о чем прямо говорит Повесть временных лет, сообщая о «княжениях» у восточных славян. Указания Ф. Энгельса многое здесь объясняют. Он пишет: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа — *rex*, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом». А это означает, что и функции военных вождей (князей) подобного рода сложнее, чем у вождя отдельного племени. Им, веро-

ятно, приходилось заниматься внутренним строительством союза, чтобы последний не распался, собирать, организовывать и возглавлять войско как для оборонительных, так и наступательных операций, они, наконец, ведали внешней политикой союза, — во всяком случае, любые дипломатические акции не осуществлялись без их участия.

Впрочем, военные обязанности, надо полагать, преобладали в деятельности князей, поскольку гражданские дела находились пока в компетенции старейшин или, согласно летописной лексике, старцев.

Однако по мере консолидации союза племен и связанного с этим упрочения княжеской власти усложнялись и функции князя.

Органическое слияние родственных племен в целое, соединение племенных территорий в общую территорию союза полностью завершилось в IX в., показателем чего служит появление племенных средоточий, совпадающих, как правило, с летописными городами. Эти города приобрели значение политических, военных, административных и религиозных центров племенных союзов. В данных условиях власть вождя (князя) союза племен должна была возрасти. И князья, кроме указанных выше функций, отправляют новые — религиозные и судебные.

В языческую пору наши предки имели обыкновение задабривать своих богов жертвоприношениями, чтобы те обеспечили им удачу. Требы, в частности, свершались перед битвой с врагом и после возвращения из похода, которому сопутствовал успех. Легко поэтому представить военного предводителя (князя) инициатором и организатором жертвоприношений. Что касается судебных княжеских прав, то они, по всей видимости, только зарождались и потому были весьма условны. Ибн Русте сообщает, что если кто-нибудь из русов «возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами),

и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело». Итак, судебный приговор царя русов не обязателен для тяжущихся. Факт — примечательный. В должной мере мы должны оценить и участие в суде родственников с обеих сторон. Перед нами архаические порядки, уводящие к первобытным истокам. Следует к этому добавить, что, по свидетельству того же Ибн Русте, власть царя довольно ограничена, поскольку у русов «есть знахари, из которых иные повелевают царем как будто они их (русов) начальники». Вообще же, сообразно понятиям ученых арабов, верховный глава славян не был суверенным государем, подобно владетелям восточных стран или Хазарии. Он выступал «вождем из вождей, т.е. главой объединения племен, у которых были свои «ра»аисы», т.е. главы или вожди». Принимая в расчет все эти детали, нельзя, однако, забывать, что верховным органом союза племен, перед которым отступали на второй план прочие племенные власти, являлось народное собрание-вече, что закономерно, ибо племенной союз, как мы уже отмечали, есть этап в развитии родо-племенного строя. Но коль так, то и вождь (князь) племенного союза воплощает политический институт родо-племенного общества, всецело отвечая его условиям. Вместе с тем союз племен — высший этап в истории родо-племенного строя. Поэтому образование союза племен кладет начало разрушению родовой организации. Это означает, что князь племенного союза приобретает свойства, которые выступают предпосылкой превращения (правда, в далеком будущем) княжеской власти из орудия народной воли в инструмент господства и угнетения, обращенный против собственного народа. Практическое выражение это получало в том, что князь начинает заниматься делами, составляющими сферу компетенции родо-племенных органов самоуправления. Но тут еще нет узурпации, насильственного отторжения прав у своих соплеменников. Перед нами добровольная передача прав, обусловленная усложнением социально-политической

организации общества. Следовательно, рано еще говорить о разрыве между народом и княжеской властью.

Иная возникала ситуация, когда князь союза племен становился князем «союза союзов» — политических образований, появившихся вследствие главным образом внешних причин и обстоятельств, и потому противоречивых и недолговечных. Деятельность главы «союза союзов» отличала известная самостоятельность и независимость с вытекающим отсюда принуждением. Следовательно, восточнославянский князь открывается нашему взору как сложный социально-политический феномен, характеризующийся двойственностью: с одной стороны, он, будучи князем союза племен, воплощал родо-племенную власть, с другой стороны, являясь князем «союза союзов», выступал как носитель элементов публичной власти, имевшей, однако, примитивный характер, поскольку в атмосфере господства родо-племенных отношений она принимала и не могла не принять форму главенства одного союза племен над остальными, сформировавшимися вместе с ним «союз союзов». В результате вождь (князь) возвысившегося племенного союза подчинял вождей прочих союзов. Яркую иллюстрацию этому берем у Масуди, который рассказывает о племени Валинана, управлявшем другими славянскими племенами, чьи цари повиновались Маджаку — царю Валинаны.

Князь «союза союзов» влиял на князя союза племен, пробуждая в нем стремления вывести свою власть за пределы, очерченные родо-племенными традициями. Эти стремления находили поддержку и опору в дружине, которая в IX в. уже постоянно окружала князя и занимала в социально-политической сфере прочные позиции. Усилению княжеской власти содействовали богатства, добываемые во время войн. Правда, материальные ценности тогда не стали еще средством социального порабощения и эксплуатации. Они имели сакральный характер, попадая в землю либо в виде кладов, либо в качестве погребального антуража. Богатство заключало в себе еще и престижный момент, укрепляя общественное положение тех, кто владел им.

Все это вместе взятое порождало тенденции к отлету княжеской власти от народной почвы, способствуя тем самым возникновению зачатков публичной власти. Но мы слишком опередим события, если скажем, что такой отлет состоялся. Княжеская власть находилась пока под покровом родо-племенных отношений. И князь, несмотря на перемены в своем положении, по-старому был еще органом родо-племенного строя.

Мы нарисовали лишь самые общие контуры роста княжеской власти у восточных славян VI — середины IX в. Скучность источников не позволяет дать более полную и наглядную картину истории князей в восточнославянском обществе. Поневоле приходится излагать сюжет схематично и приближительно.

На протяжении второй половины IX–X вв. обозначенные нами свойства княжеской власти получили дальнейшее развитие. Важную роль при этом сыграл ряд факторов. Одним из них было появление варягов в Восточной Европе.

Сейчас становится очевидным, что игнорирование деятельности варяжских отрядов на Руси столь же ошибочно, как и преувеличенное представление об их значении в истории древнерусского общества. Мы оставляем в стороне так называемую норманнскую проблему, поскольку в нашу задачу не входит ее обсуждение. Это — предмет специального исследования. Нам хочется высказать лишь некоторые соображения о влиянии варягов на эволюцию княжеской власти.

С превращением отдельных пришельцев-варягов в древнерусских князей тенденции к отрыву княжеской власти от народа, наметившиеся в восточнославянском обществе, получили новый импульс. Понять, почему это произошло, трудно: причиной послужило то, что варяги являли собой инородное тело, которому надлежало прижиться в чужой среде. Вот эта инородность и способствовала углублению упомянутых тенденций. Не надо, разумеется, чрезмерно переоценивать данный факт, ибо варяжские князья весьма скоро ассимилировались со славянами. Но какую-то роль,

пусть даже минимальную, он все-таки сыграл. Другой стимулирующий толчок публичная власть князя испытала в связи с объединением северной и южной Руси при Олеге. Ф. Энгельс по поводу образования большой государственной территории у германцев говорил: «Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя...» Нечто похожее наблюдаем и на Руси, когда Олег объединил Новгород и Киев, вследствие чего образовалась огромная территория, управление которой предъявляло несколько иные запросы к княжеской власти, требуя от нее большей активности и самостоятельности. И мы видим, что Олег преуспевает в этом: «Се же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля...» В истории публичной власти, персонифицирующейся в лице киевского князя и его дружины, существенную роль сыграло подчинение племенных княжений (союзов племен) Киеву. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что конец IX и X вв. прошел под знаком объединения древлян, северян, радимичей, вятичей, уличей и прочих вокруг полянской столицы. В результате к исходу X в. сложился грандиозный «союз союзов», охвативший территориально почти всю Восточную Европу. Образование этого, если можно так выразиться, общенационального восточнославянского союза протекало отнюдь не мирно, а в напряженной межплеменной борьбе, завершившейся в конечном счете победой Киева. В основе объединения племенных княжений лежали противоречивые стремления. С одной стороны, к союзу влекли национальные задачи: освобождение от владычества хазар, противодействие варяжской агрессии, ликвидация серьезнейшей угрозы, нависшей над Русью с появлением в южных степях печенегов, организация совместных походов на Византию, Болгарию, страны Востока; с другой стороны, строительство союза осуществлялось с помощью прямого насилия, идущего от Киева, озабоченного поисками данников. В процессе многочисленных «примучиваний» восточнославян-

ских племен выковывалась публичная власть киевских князей и окружавшей их знати. Однако следует иметь в виду, что эти «примучивания» не являлись делом рук исключительно князей и дружины. Для покорения соседних племенных княжений и удержания их в даннической зависимости сил одной дружины явно не хватало. Только народное войско (летописные «вои») в состоянии было сделать это. И мы нередко наблюдаем, как киевские князья прибегают к услугам народных ополчений, используя военную организацию племени полян как орудие военно-политической гегемонии и господства над остальными племенами. Отсюда вполне убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые рассматривали взаимоотношения восточнославянских племен конца IX–X в. как историю возвышения полянской общины, подчинявшей окрестные славянские племена. Получается, таким образом, что складывание союза племенных княжений в указанное время выливалось в форму господства племенного княжения полян над другими племенными союзами. Само собой разумеется, что киевская знать, кровно заинтересованная в данях, проявляла недюжинную энергию в утверждении господства своего племени. Такой ход событий имел очень важные социальные и политические последствия, ибо он вел к сглаживанию общественных противоречий у полян, вынося их как бы вовне. А это значит, что в Полянском обществе внешняя эксплуатация в виде даней превалировала над внутренней, что оторванная от народа и опирающаяся на насилие публичная власть упражнялась преимущественно на покоренных и покоряемых племенах.

В источниках прослеживается постепенное установление и усиление власти киевских князей над племенными союзами восточных славян. Повесть временных лет о 883 г. рассказывает, как Олег, обосновавшись в Киеве, начал «воевати древляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне». В следующем году он пошел «на северяне, и победи северяны, и возложи на нь дань легъку, и не дасть им козаром дани платити, рек: “Аз им противен, а вам не чему”». Затем Олег

«посла к радимичем, рька: “Кому дань даете?” Они же реша: “Козаром.” И рече им Олег: “Не дайте козаром, но мне дайте”. И въдаша Ольгови по щяльгу, яко же и козаром даяху».

Легко заметить, что политику Олега характеризует определенная гибкость. К непримиримым врагам полян — древлянам — князь применяет не прикрытое ничем насилие. С радимичами и северянами завязываются более сложные отношения. Учреждение власти над северянами, сопряженной с взиманием дани, Олег осуществляет под флагом освобождения их от владычества хазар, бросая при этом приманку — «дань легъку». Радимичи платят по старой таксе, но тоже освобождаются от гнета хазар, что, надо полагать, было благом. Вероятно, подчинение северян и радимичей (в отличие от древлян, «примученных» Олегом) являлось в какой-то степени добровольным. Следовательно, собирание восточнославянских племен вокруг Киева производилось с помощью как насилия, так и согласия.

О том, что формирующийся союз племенных княжений предполагал не только голое насилие, но добрую волю, можем судить и по некоторым другим летописным фактам. В 907 г. «иде Олег на Греки, Игоря оставив Киеве, поя же множество варяг, и словен, и чюдь... и кривиче, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и севере, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины». В приведенном перечне союзников Олега встречаем тех, чей союз с Киевом был, как явствует из предшествующих событий, добровольным. Это — словены, кривичи, северяне, радимичи и некоторые финские племена. Но в перечне названы еще и племена, которые завоеваны были киевскими князьями позднее, например, вятичи, хорваты и дулебы. Отсюда заключаем, что названные племена вошли в Олегов союз на добровольных началах.

Образующийся восточный всеславянский «союз союзов» строился отнюдь не на принципах равенства племен. Господствующее положение в нем занимало «княжение» полян, что ставило киевского князя на голову выше «периферийных» князей, бывших у него «под рукой». Подтверж-

дение нашей мысли находим в договорах Олега с греками, заключенных от имени «великого» князя киевского и «великих», «светлых» князей, «под Олгом сущих». Упоминаемые в документах «великие» и «светлые» князья суть племенные князья, т.е. главы племенных княжений, подвластные Олегу. Несмотря на подчинение ему, они пока титулуются «великими» и «светлыми».

В дальнейшем власть киевского князя усиливалась за счет поглощения власти князей племенных союзов, что запечатлел договор Игоря с Византией 944 г. Там по-прежнему фигурирует «великий» князь киевский, но вместо «великих» и «светлых» князей мелькают просто «князья», подручные Игорю. Можно на этом основании полагать, что титул «великий» к середине X в. сохранился лишь за киевским князем, тогда как другие племенные князья его утратили.

Новый решающий шаг в укреплении власти киевского князя сделал Святослав — князь-витязь, жаждущий битв и воинской славы, приводивший «под ся» окрестные племена и народы. В договоре Святослава с императором Цимисхием, как тонко подметил С. В. Бахрушин, нет никаких упоминаний о племенных князьях. В нем речь идет о «велице князи русем» Святославе, его воеводе Свенельде, о «болярах» и всех остальных, заключенных в общем понятии «русь». С. В. Бахрушин отсюда верно заключил, что ко времени княжения Святослава с «мелкими князьями», под которыми он разумел племенных князей, было в основном покончено: их либо истребили, либо свели на степень посадников великого князя киевского. Показательно в этой связи то, что Святослав «сажает» сына своего Олега «в деревьях». Дело, начатое Святославом, завершил Владимир, посадивший, по словам летописца, «Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершую же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани». Практически все восточнославянские земли оказались в руках «володимерова племени». Династия киевских князей

утвердилась на костях племенных князей, павших в борьбе с Киевом. Отзвуки этой кровавой борьбы сохранились в летописных записях, рассказывающих об умертвленных древлянских старейшинах и об убийстве Владимиром полоцкого князя Рогволода.

Положение князей «Рюрикова дома», сменивших племенных князей, представляется двойственным. С одной стороны, они являлись наместниками великого князя киевского, что обязывало их поддерживать контакт с Киевом, оказывая ему военную и финансовую помощь. С другой стороны, принимая на себя роль местных князей, они как бы срастались с туземной почвой, превращаясь в орган власти местного общества. В этом последнем своем качестве князья-наместники неизбежно проникались интересами управляемых ими обществ и в известной мере противостояли Киеву.

В процессе властвования над «примученными» племенами социальные позиции киевского князя и его дружины все более укреплялись. Это не могло не сказаться на функциях княжеской власти, ставшей сложнее и самостоятельнее. Чем же занимались киевские князья X столетия? На них по-прежнему возлагали задачи военного руководства и дипломатических сношений. Они выступали организаторами походов в чужие страны и соседние восточнославянские земли. В их облике еще много черт, присущих военным вождям прошлого, главная из которых — непосредственное участие в сражении, причем в качестве передового воина, увлекающего своей личной удачей и отвагой остальную рать. «Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою», — говорил Святослав своим бойцам накануне битвы с греками. И воодушевленные «вои» отвечали: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». Если взятый из летописи эпизод можно еще объяснить свойствами характера Святослава, которого наши историки нередко чересчур противопоставляют Владимиру, то другой случай, описанный Повестью временных лет, не вызывает сомнений насчет князя — военного предводителя в самом непосредственном смысле